

Лоренс Блинов

Ткань отражения

несколько замечаний
о литературном переводе

79

Слов нет: оригинал всегда предпочтительнее копии. И всякий перевод в той или иной степени ущербнее литературного первоисточника.

Но каковы реалии допустимых вольностей при переводе?

И, собственно, что такое «перевод»?

Это ведь буквально – перевод читателя с иноязычного берега на привычную почву родного языка.

Или, это словно переход улицы с одной стороны на другую. И где тот «светофор», способный урегулировать бешеный поток вариантов, несущихся в голове, словно нескончаемый поток автомобилей. И как, наконец, высветить переходную «зебру», по которой можно спокойно вести читателя к единственному варианту переведённого текста.

И что предпочтительнее: буквалистский подход к тексту или вольное его переложение?

Есть авторы (в основном это крупные поэты – К. Бальмонт, М. Цветаева, Б. Пастернак и др.), которым исходный текст (иной раз – просто подстрочник произведения) служит лишь поводом для выражения собственных настроений либо идей. В лучшем случае у переводчика (Б. Пастернак) проявляется стремление приблизить текст («Гамлет» Шекспира, к примеру) к тенденциям и умонастроениям современного ему общества.

Встречаются (редко) переводчики, стремящиеся найти в родном языке идиомы и параллели, в наибольшей степени приближающиеся к подобного рода явлениям, которые встречаются в переводимом тексте. Большим мастером в этом отношении был С. Маршак, тонко чувствовавший языковую природу того или иного сочинения иноязычного автора.

Вот только один пример. Из Роберта Бёрнса (привожу перевод С. Маршака по памяти):

**Ты взгляд мне единственный
лишь подари,
А больше, смотри,
на меня не смотри.**

Поразительным мастером перевода – скрупулёзно дотошным и въедливым в иноязычный текст – был, конечно, Сергей Аверинцев. Тот, кто читал в

его переводе «Паломничество в страну Востока» Г. Гессе или стихотворения из романа «Игра в бисер», изданного под редакцией С. Аверинцева ещё в 1969 году, тот поразится гибкости и изощрённости, а вместе с тем – ненавязчивой интеллектуальности его перевода.

Многие из русскоязычных читателей середины XX века моглизнакомиться с новинками французской литературы в переводе Р. Райх-Ковалёвой. Порой она предлагала авторизованный перевод (роман «Золотые плоды» Натали Саррот, к примеру). И это было оправдано, вследствие достаточно необычных фабульных и языковых реалий исходного материала.

Совершенным виртуозом перевода во второй половине XX века являлся Морис Ваксмахер, равным образом соприкасавшийся как с французской, испанской, немецкой поэзией, так и с представителями греческой, бельгийской, югославской и многими другими образцами национальных поэтических явлений. Причём несхожесть поэтического языка авторов разных национальностей соответственным образом проявлялась и в переводах этого замечательного мастера (см., например, Страницы европейской поэзии. XX век // Искусство и мода. – М., 1992.).

Если же говорить о достаточно

удалённых от нас временах существования русского перевода, то, наряду с именами Г. Р. Державина, В. А. Жуковского, К. Н. Батюшкова или Ф. И. Тютчева, на память приходит, прежде всего, непревзойдённый интерпретатор обеих гомеровских поэм – Николай Иванович Гнедич. Кому неизвестна, ставшая, кажется, уже «притчей во языцех» первая строка из «Илиады»: «Гнев, о богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына»?

По условиям анкеты («Переводчик – это просто толмач или соавтор?») надо было бы сказать в заключение и о собственной переводческой деятельности.

Но, затронув столь высокие и недосягаемые имена, что-то совсем уж расхотелось... К тому же и сфера моих интересов в переводе весьма ограничена: Ф.Г. Лорка, Р.-М. Рильке, да несколько чешских и татарских имён.

Об этом должен быть особый разговор.

**Пусть отраженья ткань
в озере тает:
Образ усвой.**

**Лишь запредельная грань
голос рождает
вечно живой.**

*(Р.-М. Рильке.
«Сонеты к Орфею»)*

